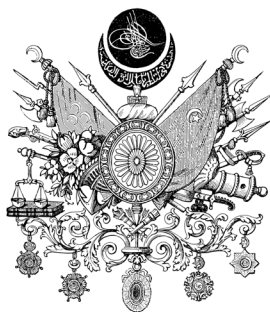

СОДЕРЖАНИЕ

Авторская заметка.....	7
ВВЕДЕНИЕ. Белая крепость.....	16
1. НАЧАЛО: Гази Осман и Орхан.....	29
2. СУЛТАН И ЕГО ОБРАЩЕННЫЕ РАБЫ: Мурад I.....	49
3. ВОССТАНАВЛИВАЯ ДИНАСТИЮ: Баязид I, Мехмед I и Мурад II.....	67
4. ПОКОРЯЯ ВТОРОЙ РИМ: Мехмед II.....	86
5. ПРИНЦ РЕНЕССАНСА Мехмед II.....	108
6. БЛАГОЧЕСТИВЫЙ ЛИДЕР ПЕРЕД ЛИЦОМ ВРАГОВ — ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ: Баязид II.....	125
7. ВЕЛИКОЛЕПИЕ: От Селима I до первого османского халифа Сулеймана I.....	141
8. СУЛТАНСКИЕ СПАСИТЕЛИ.....	169
9. ОСМАНСКАЯ ЭПОХА ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ...	175
10. «ПО-ОСМАНСКИ» И НИКАК ИНАЧЕ.....	197
11. «ГАРЕМ» ОЗНАЧАЕТ «ДОМ».....	212
12. БЫТЬ ОСМАНОМ, БЫТЬ РИМЛЯНИНОМ: От Мурада III до Османа II.....	235
13. ВОЗВРАЩЕНИЕ ГАЗИ: Мехмед IV.....	262

14. ЕВРЕЙСКИЙ МЕССИЯ В ОСМАНСКОМ ДВОРЦЕ.....	278
15. ВТОРАЯ ОСАДА ВЕНЫ И СЛАДКИЕ ВОДЫ ЕВРОПЫ: От Мехмеда IV до Ахмеда III.....	291
16. РЕФОРМА: Ломая циклы восстаний от Селима III до Абдулазиза I.....	315
17. РЕПРЕССИИ: Современный халиф Абдулхамид II.....	346
18. ГЛЯДЯ В СЕБЯ: Османский Восток.....	362
19. СПАСАЯ ДИНАСТИЮ ОТ САМОЙ СЕБЯ: «Младотурки»...372	
20. ГЕНОЦИД АРМЯН И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: Талаат-паша.....	397
21. КОНЕЦ: Гази Мустафа Кемаль.....	426
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Османское прошлое сохраняется.....	434
БЛАГОДАРНОСТИ.....	441
СПИСОК ОСМАНСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ И ГОДЫ ИХ ПРАВЛЕНИЯ.....	442

4. ПОКОРЯЯ ВТОРОЙ РИМ

Мехмед II

В европейской истории принято считать, что секуляризм, терпимость и современность зародились в Европе с подписанием Вестфальского мира в 1648 г. Эта серия договоров положила конец религиозным войнам в христианской Европе и установила принцип терпимости к религиозным меньшинствам. Но почти на двести лет раньше, после османского завоевания Константинополя в 1453 г., меланхоличный завоеватель и решительный лидер Мехмед II институционализировал принципы и практику веротерпимости, которые были заложены столетием ранее при его предшественниках. Мехмед II принимал решения, оставившие след в османской и мировой истории. Он завоевал Константинополь, а затем попытался узаконить свою победу и править им, обращаясь как к мусульманам, так и к христианам. Он называл себя цезарем и претендовал на римское наследство, поставив памятники величайшим древним правителям Константинополя Константину и Юстиниану¹. Он восстановил город не только как центр османской династии и сердце новой имперской администрации, сформированной из новообращенных, но и как многоконфессиональный мегаполис. Как ему это удалось?

¹ Gülru Necipoğlu, *Architecture, Ceremonial, and Power: The Topkapı Palace in the Fifteenth and Sixteenth Centuries* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991), 249.

ОСАДА И ЗАВОЕВАНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

К тому времени, когда 20-летний Мехмед II начал осаду Константинополя, великая византийская столица уже не была предметом зависти всего мира. Когда-то она могла похвастаться полумиллионом жителей и была одним из самых богатых городов в мире. Но к 1452 г., когда население поредело из-за волн чумы, в ее стенах, возможно, проживало всего пятьдесят тысяч человек². С трех сторон город был защищен водой, а с четвертой — массивными стенами высотой тридцать метров и толщиной десять метров, которые простояли тысячу лет. Но если смотреть на вещи шире, Константинополь был всего лишь маленьким островком Византии, затерянным посреди османского моря.

Преисполненный решимости захватить Константинополь, Мехмед II сыграл ведущую роль в осаде, приняв ряд блестящих тактических решений. Сначала он приказал построить Румели Хисары, новую крепость в пяти километрах к северу от города на крутом скалистом склоне на европейской стороне самого узкого места Босфора (всего семьсот метров в поперечнике), напротив Анадолу Хисары, османской крепости XIV в. на азиатской стороне. Анадолу Хисары был построен дедом Мехмеда II, Баязидом I, в ходе подготовки к его неудачной восьмилетней попытке захватить Константинополь на рубеже XV в.

Понимая, что падение крепости было предзнаменованием разрушения христианского города и крушения Византийской империи, жители последнего острова некогда могущественного королевства «трепетали в глубоком горе»³. Склон холма, прежде покрытый густыми зарослями сиреневых иудиных деревьев, вскоре мог похвастаться каменной крепостью с тремя башнями. Говорят, что Мехмед II лично участвовал в его быстром строительстве. Крепость возвели менее чем за четыре месяца.

К августу 1452 г. доступ Константинополя к Черному морю был отрезан.

Отражая такой поворот событий, османы назвали крепость Боазкесен, что означает «Перерезающий проливы», или, более буквально, «Перерезающий горло». С греческого это переводится как «Обезглавливатель»⁴.

---

² Halil Inalcik, 'The Policy of Mehmed II Toward the Greek Population of Istanbul and the Byzantine Buildings of the City', *Dumbarton Oaks Papers* 23/24 (1969/1970): 231–249; *Encyclopaedia of Islam* 2, s.v., 'Istanbul', by Halil Inalcik.

³ Doukas, *Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks*, 194.

⁴ Doukas, *Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks*, 196.

Мехмед II приказал, чтобы любой корабль, пытавшийся пройти мимо крепости, должен был остановиться, а любой не подчинившийся корабль был потоплен. Венецианский корабль, первое судно, пытавшееся доставить товары в осажденный Константинополь, был потоплен точными ударами массивных пушек османов. Его команда была доставлена на берег и обезглавлена, а капитан пронзен «колом через задний проход»⁵.

Несмотря на то что он отрезал доступ к черноморской стороне Босфора и использовал свой флот в Мраморном море для бомбардировки крепостных стен, Мехмед II все еще сталкивался с невозможностью подвести свои корабли достаточно близко, чтобы атаковать внутренний город. Ибо византийцы соорудили гигантскую цепь, которую они использовали как непроницаемые плавучие ворота, чтобы перекрыть доступ к Золотому Рогу — водному пути вглубь к городской гавани. Византийцы были настолько уверены в том, что город защищен от нападения османской империи с моря, что оставили стены вдоль Золотого Рога без охраны. Но у Мехмеда II был план. В апреле 1453 г. он приказал своим людям проложить гигантские балки, смазанные животным жиром, ведущие вглубь страны от Босфора до Золотого Рога. Пять десятков кораблей привязали к длинным тросам и руками тысяч солдат протащили по этим скользким рельсам вверх по крутому склону и по суше от Босфора до генуэзской колонии, отмеченной башней и многочисленными католическими церквями, а затем вниз по склону к Золотому Рогу. Это было невероятное зрелище: «Корабли неслись по суше, будто плыли по морю, с экипажами и под парусами»⁶. Защитники Византии были ошеломлены, увидев османские военные корабли, стоящие на якоре в бухте Золотой Рог. Дурные предзнаменования — иконы, уроненные во время религиозных процессий, внезапные наводнения, град и густой туман, которые сигнализировали о том, что божественное присутствие покидает город, — приводили их в еще больший ужас⁷.

Атакуя с суши и моря, османские войска окружили город, численно превосходя его защитников более чем в десять раз.

Более ста тысяч османских солдат — мусульман, принявших ислам христиан, и тех, кто остался христианами, — столкнулись с шестью или семью тысячами защитников Византии и их союзников, включая каталонцев, генуэзцев и венецианцев. Византийцам удалось продержаться еще месяц, но к маю судьба города была решена. Мехмед II приказал

⁵ Doukas, *Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks*, 200–201.

⁶ Kritovoulos, *History of Mehmed the Conqueror*, trans. Charles T. Riggs (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1954), 56.

⁷ Kritovoulos, *History of Mehmed the Conqueror*, 58–59.

построить понтонный мост через Золотой Рог, который византийцы не смогли разрушить. Чтобы пробить городские стены с суши на западе, Мехмед II приказал построить одну из самых больших пушек, которые когда-либо видел мир. Отлитая христианским ренегатом из Венгрии, пушка позволила бы османским войскам прорваться⁸. Это был первый случай, когда османы использовали порох для разрушения стен осажденного города.

Последний штурм османов начался перед рассветом и продолжался до позднего утра 29 мая 1453 г. Инновационные металлические ядра бронзовой пушки, наполненные порохом, пробивали дыры в древних земляных стенах со «взрывом и грохотом, подобными грому с небес», чей «пронзительный, раздирающий воздух звук» был слышен за десять миль и чей внезапный удар, как утверждается, был настолько мощным, что лишил ничего не подозревающих людей дара речи а у беременных женщин случились выкидыши⁹. Прорвав стены благодаря безжалостным бомбардировкам, армия Мехмеда II вошла в город на 54-й день осады. Пороховое оружие вскоре приняли на вооружение по всей Западной Европе. Византийский император Константин XI Палеолог погиб в той последней битве, его труп, как сообщается, опознали по пурпурным туфлям.

Византийские и османские историки сходятся во мнениях по поводу дальнейших событий. Мехмед II позволил своим солдатам на один день разгуляться и бесплатно пограбить. Они не давали пощады простолюдинам и знати, насилуя любого, кто попадетс¹⁰. Они убили или обратили в рабство выживших после осады и завоевания. Они грабили и мародерствовали, оскверняли церкви и гробницы — выкапывали трупы в поисках золота — расхищали богатства византийцев, уничтожали их иконы и сжигали их священные книги¹¹.

Действительно, «там была хорошая добыча. Золото, серебро, драгоценные камни и изысканные ткани ... Они поработили города неверных, и газы обнимали [насиловали] женщин и девочек»¹². Как хвастались османы, «каждый шатер [армии султана] был раем, наполненным ... сексуальными слугами рая, каждый из которых был величественной красави-

---

⁸ Doukas, *Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks*, 200–201.

⁹ Doukas, *Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks*, 201.

¹⁰ Kritovoulos, *History of Mehmed the Conqueror*, 73.

¹¹ Kritovoulos, *History of Mehmed the Conqueror*, 74.

¹² Я изменил отрывок, процитированный в Bernard Lewis, *Istanbul and the Civilization of the Ottoman Empire* (Norman: University of Oklahoma Press, 1963), 8, сравнив его с текстом Friedrich Giese, ed., *Die altosmanische Chronik des 'Aṣīkpaşazāde* (Leipzig, Germany: Otto Harrassowitz, 1929), 132.

цей, кипарисом, из которого вырастают побеги, [предлагающие] сочный персик» (то есть любовный поцелуй)¹³.

Когда солдаты-завоеватели захватили город, тысячи христиан искали убежища в церкви Божественной мудрости (Айя-София), веря в пророчество. Ангел с мечом спустился бы к 35-метровой колонне Константина IV в., стоящей в центре Константинополя на его главной улице, и вручил бы оружие простому человеку, который в одиночку отомстил бы за греков, заставив османов бежать, одновременно рубя их и прогоняя прочь из Византии¹⁴. Ангел не явился.

Османские солдаты добрались до церкви, взломали запертые двери и взяли в плен христиан, находившихся внутри. «Кто может описать плач младенцев, пронзительные крики матерей и причитания отцов?»¹⁵ Самый обычный солдат «искал самую нежную девушку. Прекрасная монахиня, которая до сих пор принадлежала только Богу, теперь была схвачена и связана другим хозяином. Насилюемых дергали за косы, обнажали им груди и соски, а также вытянутые руки».

Тогда Мехмед II пресек изнасилование. Когда он въехал через ворота Эдирне на западной окраине Константинополя и увидел «большое число убитых людей, разрушенных зданий и всеобщее разорение города, он преисполнился сострадания и сильно раскаялся». Когда его глаза наполнились слезами, он воскликнул: «Какой город мы отдали на разграбление и разрушение!»¹⁶ Он проехал через город на белом коне к великолепной церкви Божественной мудрости VI в.

Собор Святой Софии был не только резиденцией Греческой православной церкви, но и самым большим зданием в мире с самым великолепным высоким куполом, когда-либо построенным. Мехмед II спешил с коня и вошел. Он поднялся на купол, чтобы взглянуть на завоеванный город. Сопровождавшие его восклицали: «Если ты ищешь рая, о, суфий, то самое высокое небо — это собор Святой Софии»¹⁷.

Мехмед II осмотрел «странные и чудесные» иконы, фрески и мозаики, украшавшие церковь, «возвышающиеся по мере того, как Иисус, дух Божий, возносился в четвертую сферу небес». Глядя вниз на разрушенные здания, «он думал о непостоянстве и нестабильности этого мира и о его окончательном разрушении». В печали он процитировал древнеперсидский стих поэта XIII в. Саади о преходящей и нестабильной

¹³ Tursun Bey, *Tārīh-i Ebū'l-Feth*, ed. Mertol Tulun (Istanbul: Baha, 1977), 62.

¹⁴ Doukas, *Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks*, 225–226.

¹⁵ Doukas, *Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks*, 227.

¹⁶ Kritovoulos, *History of Mehmed the Conqueror*, 77.

¹⁷ Tursun Bey, *Tārīh-i Ebū'l-Feth*, 63.

природе власти: «Паук плетет занавес во дворце Хосрова [древнего персидского шаха] / Сова ухает в замке Афрасияб [Самарканд]»¹⁸. Жизнь коротка, и даже в моменты триумфа лидер должен помнить о собственной смертности.

После завоевания султан предложил Лукасу Нотарасу, верховному адмиралу и великому герцогу Константинополя, возможность стать главой оставшихся в городе греков. Но, будучи пьяным на пиру, он также потребовал, чтобы Нотарас отдал ему своего младшего сына, 14-летнего юношу. Мехмед II, возможно, в конечном итоге обратил бы его в ислам и обучал во дворце, чтобы он мог присоединиться либо к его бюрократии, либо к элитному пехотному полку, янычарам. Мехмед II приказал казнить других византийских вельмож, и «из числа их жен и детей отобрал некоторых и вверил их бдительной заботе главного внука»¹⁹.

История, написанная в угоду Мехмеду II сразу после завоевания, рассказывает, как он получил свою долю добычи людьми.

Он назначил некоторых отпрысков знати служить ему телохранителями «и постоянно находиться рядом с ним», а мальчиков, которые «действительно отличались поразительной физической красотой» и «великолепным телосложением» — дворцовыми пажами²⁰. Возможно, однажды младший сын Нотараса будет служить султану в качестве великого визиря, главы его правительства.

При помощи старшего Нотараса, назначенного главой христиан, а его сына — верным слугой, обученным во дворце султана, Мехмед II обеспечил бы контроль над христианским населением, сохранил бы лояльность важной византийской семьи. Но этому не суждено было сбыться. Нотарас отказался отдать своего ребенка завоевателю, протестуя: «У нас не принято отдавать собственного ребенка на растерзание. Для меня было бы гораздо лучше, если бы палач послали за моей головой». И Мехмед II ответил тем, что убил Нотараса и его сыновей²¹.

Мехмед II, однако, использовал завоевание, чтобы приобрести легитимность как среди мусульман, так и среди христиан. Начиная с третьей четверти VII в. мусульманские империи посылали армии для захвата Константинополя, но ни одна из них так и не преуспела. Стремясь к исламской легитимности, Мехмед II убедился в достоверности хадиса —

---

¹⁸ Quoted in Lewis, *Istanbul and the Civilization of the Ottoman Empire*, 7–8.

¹⁹ Doukas, *Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks*, 235.

²⁰ Kritovoulos, *History of Mehmed the Conqueror*, 85–86.

²¹ Doukas, *Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks*, 233–235.

высказывания, приписываемого Мухаммеду: «Константинополь будет завоеван. Благословен полководец, который завоеует его, и благословены его войска». Это было начертано на арабском языке у входа в комплекс императорской мечети в центре исторического полуострова.

Во время осады Мехмеда II сопровождал его духовный советник, суфий по имени шейх Акшемседдин, который утверждал, что в деревне за пределами крепостных стен на Золотом Роге он обнаружил гробницу Айюба аль-Ансари, сподвижника Мухаммеда, посланного завоевывать Константинополь в конце VII в. Предполагаемое обнаружение гробницы связывало Мехмеда II с пророком ислама и еще больше способствовало его исламской легитимности.

После завоевания он построил на этом месте мечеть и усыпальницу аль-Ансари, которая стала местом паломничества мусульман. Будучи самой священной мечетью города, она служила местом, где будущие султаны совершали церемонию «опоясывания мечом», эквивалент коронации, обнимая меч, который предположительно принадлежал Мухаммеду.

Однако вместо того, чтобы рассматривать свой подвиг просто как исламское завоевание, Мехмед II культивировал осознание своей связи с римским наследием. Его греческий советник, Георгий Амирутцес, написал султану более десяти лет спустя после завоевания: «Никто не сомневается, что ты император римлян. Тот, кто по праву занимает центр империи, является императором, а центром Римской империи является Константинополь»²². Греческие и османские хронисты Мехмеда II поместили его в длинный ряд великих лидеров, включавший Александра Македонского и Юлия Цезаря. Они сравнивали завоевание Константинополя с завоеваниями Трои, Вавилона, Карфагена, Рима и Иерусалима. Обращаясь к султану, один из панегиристов поинтересовался, не стали ли сравнительно мелкие деяния других людей более известными из-за того, что были совершены греками и вошли в греческую историю, в то время как огромные достижения Мехмеда II, сравнимые с достижениями Александра Македонского, не будут переданы потомкам на греческом языке²³. Султанский историк изобразил Мехмеда II стремящимся править миром в подражание Александру, Помпею, Цезарю и другим знаменитым королям и полководцам²⁴. Этот историк писал по-гречески, чтобы информировать не только греков, но и всю Западную Европу, даже население Британских островов, о деяниях Мехмеда II²⁵.

²² Письмо Амируциса Мехмеду II в 1466 г., цитируемое в Inalcik, 'The Policy of Mehmed II Toward the Greek Population of Istanbul', 233.

²³ Kritovoulos, History of Mehmed the Conqueror, 3.

²⁴ Kritovoulos, History of Mehmed the Conqueror, 14.

²⁵ Kritovoulos, History of Mehmed the Conqueror, 4.

Чтобы польстить ему, тот же греческий автор изобразил султана великим полководцем и мудрым царем-философом. Мехмед II, возможно, обладал огромной физической силой и энергией, но само по себе это не делало его правителем, достойным уважения. Его мудрость и знание истории способствовали его правлению, поскольку он изучал философию и историю арабов, османов и греков²⁶.

Один венецианский гость согласился с этим, описав Мехмеда II как «так же жаждущего славы, как Александр Македонский».

Ежедневно один итальянец читает ему римские и другие исторические труды». Стремясь расширить свои владения, он приложил немало усилий, чтобы «изучить географию Италии», в том числе «где находится папа римский и где император, и сколько королевств в Европе». У него была карта Европы, поскольку он больше всего интересовался «географией мира и военными делами». Самым пугающим для наблюдателя было то, как султан заявил, что «времена изменились», и что он будет продвигаться с Востока на Запад, как в прежние времена жители Запада продвигались на Восток. Он утверждал, что в мире должна быть только одна империя, одна вера и один суверенитет²⁷. Для построения такого универсального видения единой мировой религии не было места более достойного, чем Константинополь.

ВОССТАНАВЛИВАЯ ГОРОД, СОЗДАВАЯ ИМПЕРИЮ РАЗЛИЧИЙ

Едва успев завоевать город, Мехмед II приступил к его восстановлению. Он превратил величайшую церковь, собор Святой Софии, в мечеть, пристроив единственный минарет, но не закрыл все мозаики и фрески внутри церкви. Мусульмане все еще могли видеть крылатых ангелов с таинственными лицами, парящих над ними во время молитвы. Однако расположенная неподалеку Айя-Айрин (церковь Святого Мира), первая церковь, построенная в Константинополе, была преобразована в арсенал и включена в состав территории Нового дворца (дворец Топкапы). Императорский монастырь и церковь Христа Всемогущего (Святого Спасителя Пантократора) на вершине холма стали первым медресе города.

Османские хронисты, писавшие о правлении Мехмеда II, рассматривали падение Константинополя как завоевание христианского города

---

²⁶ Kritovoulos, *History of Mehmed the Conqueror*, 14.

²⁷ Giacomo de' Languschi, quoted in Franz Babinger, *Mehmed the Conqueror and His Time*, trans. Ralph Manheim, ed. William C. Hickman, *Bollingen Series XCVI* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978), 112.

и возведение на его месте города мусульманского, полного мечетей, медресе и суфийских лож, благочестивых и аскетичных мусульман, называемая Константинополь Стамбулом, «полным исламом»²⁸.

Другие авторы предлагали одномерный рассказ о добрых, благочестивых мусульманах, кричавших «Аллах Акбар» (Бог велик) и сражавшихся на стороне Бога против злых, нечестивых христиан-неверных, которые неизбежно терпят поражение в битве и убиваются или сдаются, а затем унижаются во славу ислама.

Посвятив два тома великолепному куполу собора Святой Софии и десять страниц реконструкции города, хронист лишь в одном предложении упоминает о том, что султан перевез «пленников из земель неверных, которые он завоевал мечом, и поселил их вокруг Константинополя»²⁹. Его больше интересовал рассказ о том, как Мехмед II превратил Константинополь в мусульманский город с мечетями и медресе, суфийскими ложами, а также мавзолеем и мечетью Айюба аль-Ансари, «святого покровителя» мусульманского города³⁰. Он упомянул османских мусульман, добровольно прибывавших, чтобы вступить во владение заброшенными домами и имуществом³¹.

На самом деле Мехмед II не стремился преобразовать Константинополь в чисто мусульманский город. Поскольку поселение было взято силой, его защитникам, грекам, следовало бы запретить въезд в город, как в Фессалониках. Однако сразу после завоевания греческое население Константинополя увеличилось благодаря политике Мехмеда II³². Султан разослал приказы во все уголки империи, чтобы как можно больше христиан, мусульман и евреев насильственно депортировали туда³³. После завоевания Мехмед II приказал депортировать всех греческих евреев Салоник в Стамбул. Из-за этих вынужденных переселений примерно через двадцать пять лет после завоевания истощенное население Стамбула выросло на 50% и насчитывало около восьмидесяти тысяч человек. 60% населения составляли мусульмане, 20% — православные греки, 11% — евреи, 5% — армяне и 3% — итальянцы³⁴. По ту сторону Золотого Рога лежали Пера и Галата, бывшая генуэзская колония, с ко-

²⁸ Mehmed Neşri, *Kitâb-ı cihân-nümâ*, ed. F. R. Unat and M. A. Köymen (Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1987), 2:711, 713.

²⁹ Tursun Bey, *Târîh-i Ebû'l-Feth*, 75.

³⁰ Tursun Bey, *Târîh-i Ebû'l-Feth*, 65–76.

³¹ Tursun Bey, *Târîh-i Ebû'l-Feth*, 67–68.

³² Molly Greene, *The Edinburgh History of the Greeks, 1453 to 1768: The Ottoman Empire* (Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015), 4, 25.

³³ Kritovoulos, *History of Mehmed the Conqueror*, 93.

³⁴ *Encyclopaedia of Islam* 2, s.v. 'Istanbul', by Halil Inalcik.

второй османы долгое время вели торговлю, и которая сдалась завоевателям через пару дней после падения города в 1453 г. Население Галаты на 39% состояло из православных греков, на 35% — из мусульман, на 22% — из итальянцев (в основном генуэзцев) и на 4% — из армян³⁵.

Новые мигранты нуждались в домах и рынках сбыта. Мехмед II построил первые рыночные площади того, что впоследствии стало Большим базаром, который в последующие столетия превратился в обширный крытый рынок, включающий десятки улиц и тысячи лавочек. Там арабские, армянские, генуэзские, греческие, еврейские, турецкие и венецианские купцы продавали предметы роскоши, включая драгоценные камни, золото и серебро, а также текстиль, шелка, изделия из кожи и ковры. Это было предприятие, приличествующее богатому городу, открытому миру.

Многочисленные мигранты также нуждались в новых местах отправления культа и собраний: церквях, мечетях и синагогах, а также фонтанах, тавернах, суфийских ложах, гостиницах и общественных банях, медресе и университетах. Эти заведения тоже были построены, несмотря на то что город завоевали силой. В такой ситуации, согласно исламскому прецеденту, не должно быть разрешено строительство новых христианских или еврейских молитвенных домов, но они были.

Чтобы править новыми мигрантами, депортированными в город, и разнообразным по этническому составу населением, Мехмед II институционализировал веротерпимость, которую османы практиковали де-факто уже более века в Юго-Восточной Европе. Это было по меньшей мере за столетие до того, как в Западной и Центральной Европе стали терпимо относиться к религиозным меньшинствам. В первое десятилетие после завоевания Мехмед II назначил в столице империи лидеров признанных религий Османской империи — суннитского ислама, греческого православия, иудаизма и армянского христианства (Апостольской церкви). В XVIII и XIX вв. юрисдикция этих лидеров распространялась на всех представителей их религий в империи. Представителям этих религий было разрешено жить в соответствии с их собственной системой верований и практик. Мусульманским, христианским и еврейским лидерам была предоставлена привилегия ограниченных административных, финансовых и юридических полномочий для регулирования личных и духовных дел своих единоверцев.

Они контролировали судебные инстанции, судей, тюрьмы и агентов полиции, выносивших решения по личному праву (брак, развод и на-

³⁵ Halil İnalcik, 'Ottoman Galata, 1453–1553', in *Essays in Ottoman History* (Istanbul: Eren, 1998), 275–376.

следование), а также школы и семинарии, больницы, кладбища и молитвенные дома. В последующие столетия грекам, евреям и армянам даже разрешили устанавливать в городе печатные станки, прежде чем мусульманам было разрешено использовать свои собственные. Взамен от них ожидали повышения налогов для финансирования их религиозных учреждений и оплаты привилегий. Такая терпимость к разнообразию была выражением турко-монгольского и исламского наследия османов, на основе которого они создали империю, построенную на сохранении различий. Османы не стремились превратить всех подданных в мусульман или даже в османов, то есть в членов правящей элиты. Скорее, они создали институты, которые позволяли представителям иных религий вести религиозную и личную жизнь с минимальным вмешательством.

Мехмед II назначил муфтия, специалиста по исламскому праву. Он полагался на византийского раввина Моисея Капсали как на посредника с евреями в городе³⁶. Он также назначил знакомого армянина, митрополита Бурсы Овакима, первым армянским патриархом, чтобы соперничать с католиками Эчмиадзина в Армении и Сиса в Киликии³⁷. Греческим патриархом он объявил человека, которому мог доверять: антипаписта Георгия Схолариоса, также известного как Геннадий, — он выступал против объединения католической церкви с православной. Можно было рассчитывать, что он не поддержит крестовый поход за освобождение города³⁸.

Тот факт, что патриархи (и действительно, все церковные чиновники) были назначены султаном и что синод только подтверждал его выбор, продемонстрировал огромную власть, которую приобрел османский правитель в рамках этой системы толерантности и светского контроля над религиозной иерархией. Патриарх называл султана «законным императором», имеющим право вмешиваться в церковные дела, — право, которое ранее было предоставлено византийскому императору³⁹.

В то время как в бывшей Византийской империи император, как глава церкви, имел право назначать и увольнять греческого патриарха, мусульманский султан взял на себя эту обязанность, поскольку он был главой правительства.

³⁶ Mark Epstein, 'The Leadership of the Ottoman Jews', in *Christians and Jews in the Ottoman Empire*, 1:101–115.

³⁷ Kevork Bardakjian, 'The Rise of the Armenian Patriarchate of Constantinople', in *Christians and Jews in the Ottoman Empire*, 1:89–100.

³⁸ Benjamin Braude, 'Foundation Myths of the Millet System', in *Christians and Jews in the Ottoman Empire*, 1:69–88.

³⁹ Greene, *The Edinburgh History of the Greeks*, 183, ссылаясь на императорский порядок XVIII в., о котором ходатайствовал патриарх.

Греческому и армянскому патриархам была предоставлена ограниченная юрисдикция в отношении церковных учреждений в столице империи и прилегающих регионах, ограниченный контроль над церковной собственностью, неисключительные полномочия в семейном праве и возможность собирать налоги с христиан⁴⁰. Патриархи, служившие назначенными сборщиками налогов, упростили налогообложение своих прихожан и обеспечили лояльность христиан. Эта система была практичной и в том смысле, что она облегчала в противном случае обременительную задачу управления различными группами населения, облегчая поиск партнеров по сотрудничеству, которые собирали бы налоги и разделяли ответственность за управление. Греческие, армянские и еврейские суды не были отдельными и автономными, но являлись неотъемлемой частью османской правовой системы.

Но толерантность строится на иерархиях, и в религиозной иерархии империи ислам занимал высшую позицию. Терпимость — это выражение неравного отношения к власти. Султан, а не патриархи, имел право решать, в какой степени сохранятся видимые остатки христианского прошлого города. Мехмед II мечтал возвести собственную монументальную императорскую мечеть и дворцовый комплекс в центре Константинополя. Чтобы построить свою мечеть в 1463 г., он снес церковь Святых апостолов, где находились гробницы византийских императоров со времен Константина и размещался греческий патриархат, основанный им менее десяти лет назад⁴¹. Вторая церковь, служившая патриархатом, Паммакаристос, была преобразована в мечеть под названием «Фатих» столетием позже⁴². Комплекс мечети Мехмеда II объединил в себе молитвенный дом султана, династический памятник, ведущие образовательные учреждения империи, а также новый жилой и коммерческий район. Этот первый дворец, который впоследствии стали называть Старым дворцом, служил основной резиденцией женщин и маленьких детей династии. Мехмеда II не удовлетворил дворец, расположенный в центре города.

ДВОРЕЦ ТОПКАПЫ: АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЦЕНТР, В КОТОРОМ ДОМИНИРОВАЛИ НОВООБРАЩЕННЫЕ

В качестве роскошного центра своей власти Мехмед II предпочел уединенный холм на краю полуострова, на месте бывшего византийско-

⁴⁰ Greene, *The Edinburgh History of the Greeks*, 29–31.

⁴¹ Greene, *The Edinburgh History of the Greeks*, 29, 64.

⁴² Greene, *The Edinburgh History of the Greeks*, 64–65.

го акрополя, простиравшегося до того места, где пролив Босфор впадает в Мраморное море⁴³. Там между 1459 и 1478 гг. он построил свой второй, исключительно мужской новый дворец, или дворец Топкапы («Пушечные ворота»). Богато украшенная надпись дворца на внешних императорских воротах (Баб-и Хумаюн) отсылает к Мехмеду II в соответствии с его характером и характером его империи: в тюрко-монгольском стиле он называется «хан» и «султан», в исламском стиле как «тень Бога» и как правитель Азии и Европы, как «повелитель двух континентов и двух морей [Средиземного и Черного]».

Дворец Топкапы имел все отличительные черты тройственного наследия Османской империи: византийско-римского, тюрко-монгольского и мусульманского⁴⁴. Во внешнем дворе дворца находилась бывшая церковь Святой Ирины, переоборудованная в арсенал. Как и его предшественники-сельджуки, султан наделил своих заместителей, называемых визириями, значительной административной и военной властью, и поэтому его новый дворец был разделен на внешний дворцовый комплекс для связей с внешним миром и внутренний комплекс, который включал участок, где он проживал без своей семьи. Мехмед II разместил семью в гареме, или личных покоях, Старого дворца в центре города.

Мехмед II запустил реализованный в следующем столетии процесс превращения должности султана в более уединенную и менее публичную роль, больше похожую на роль цезаря, чем пограничного гази. Дворец Топкапы состоял из ряда соединенных дворов, расположенных иерархически: каждое следующее пространство имело более ограниченный доступ и было меньше предыдущего. Невидимый, но всевидящий султан находился в его символическом центре, вокруг которого строился дворцовый дизайн⁴⁵.

Тем не менее в знак уважения к своему тюрко-монгольскому наследию Мехмед II также позаботился о том, чтобы в дворцовых садах было достаточно места для спортивной площадки с пристроенным к ней выложенным плиткой павильоном, где он мог наслаждаться игрой в монгольское поло, что было бы уместно в Центральной Азии. Ряд одноэтажных зданий с четко определенными функциями напоминал тюрко-монгольский военный палаточный лагерь, где палатки солдат окружали каменный шатер хана в центре⁴⁶.

⁴³ Necipoğlu, Architecture, Ceremonial, and Power, 4.

⁴⁴ Necipoğlu, Architecture, Ceremonial, and Power, 12, 248.

⁴⁵ Necipoğlu, Architecture, Ceremonial, and Power, 20, 86, 94.

⁴⁶ Necipoğlu, Architecture, Ceremonial, and Power, 242, 247–248.